

"Тогда мы скажем: есть могучая Украина"

- Леонид Макарович, идут первые 100 дней вашего президентства. Хотелось бы прежде всего спросить у вас о том, что вы связываете с этим начальным периодом, какой видите страну, главой которой избраны...

- Если народ избирает человека президентом, он поручает ему прежде всего защиту своих интересов. Народ должен быть спокоен и верить в то, что президент будет исполнять его долг. А его воля сегодня - это построить независимое государство. Предать народ, который выстрадал это право всей своей историей, своей жизнью, - это самое страшное, что можно представить для человека. Поэтому я стремлюсь делать все, чтобы защищать его интересы, его будущее. Чтобы мы сказали хотя бы через полгода: есть не просто независимая Украина, а уже есть независимая, сильная Украина, которая будет иметь свои вооруженные силы, институты власти, законы, соответствующие потребностям народа. Тогда мы скажем, что есть могучая, сильная Украина. Она еще экономически не будет такой сильной и богатой, для этого нужно время. Но это сейчас главное.

Вообще же у нас сложилась очень интересная ситуация. Те старые структуры, которые отошли, как бы мы их ни критиковали - а критиковать их есть за что - и как бы мы ни критиковали ту старую идеологию - унитарную, государственно-партийную - но она была. А сейчас я смотрю на наше государство. Кабинет министров. Кто занимается проблемами идеологии? Никто. Верховный Совет. Кто занимается проблемами идеологии? Никто. Президентская структура... У нас нет философии и идеологии новой Украины. У нас есть желание построить новую, независимую, демократическую, все это так. Но философии - современной, но чтобы она перекликалась с нашими корнями, нашими традициями, - нет. Сейчас проблемы идеологии взял на себя Рух. И конгресс украинцев, и форум народов Украины в Одессе, и собрание украинцев - все это элементы идеологии. Правда, и они не имеют своей широкой философской базы, потому что об этом никто еще серьезно не думал. Но нам нужно создать идеологическую основу новой Украины. И тогда нам будет легче, тогда мы уже сможем создавать соответствующие структуры, ориентируясь уже на эту философию.

Я все время думаю: вот мы пришли к государственным рычагам. За плечами у нас опыта, говорю чистосердечно, нет. Нет больших государственных структур, потому что Украина все время была у кого-то за пазухой. Наше правительство, министерства работали в границах своей компетенции, а компетенция была пять процентов ответственности и исполнения задания Кремля. Чем лучше исполнял - тем дальше шёл вперед. Не исполнял - шёл назад. Поэтому мы должны учиться государственному руководству новой Украиной, государственному мышлению. Когда кто-то идет впереди себя и пропахивает тебе борозду, ты и идешь этой бороздой. А когда самому нужно - это совсем другое. Я, может быть, больше это чувствую, чем кто-либо другой. Потому что каждый день прихожу на работу и каждый день с этим сталкиваюсь. Я не говорю, что у Ельцина все хорошо, но те структуры, которые он себе забрал, какие бы они ни были, а выходили на международный уровень. На уровень государства. А структуры, бывшие в Киеве, никуда не выходили. Для них наибольший уровень был - Москва. Они про Париж и слова не знали. А теперь нам нужно выходить на все другие государства. И совсем другая палитра решений, совсем другой масштаб. Поэтому нам так нужны люди, которым мы сможем доверить Украину, - преданные и компетентные.

- Одной из проблем украинской государственности может быть различие в психологии жителей различных регионов республики...

- Корни этого - в нашей истории. Я знаю Западную Украину, работал там и родился в тех краях. И эти постоянные намеки, что есть Украина, а есть "полу-Украина", породили в сознании людей такое стремление к независимости, что это даже трудно себе представить. Я вспоминаю свой первый приезд во Львов. Я зашел на завод "Электрон". Тогда очень трудно было, в магазинах - абсолютно пусто. И я до этого объездил несколько регионов, и куда бы я ни пришел, мне об этом говорили. И был уже настроен на то, что мне должны задавать такой вопрос. Прохожу один цех, другой - никто ничего не говорит. Тогда я сам обратился к людям. А они мне отвечают: это для нас не главное, главное - это независимость, это свечка в конце туннеля. Вот это для нас самое главное. И я подумал: какая же это сила воли у людей - не у партийных лидеров, которые жили этим, сидели за это в тюрьмах, а у человека "от станка".

А в этой части все же главное было - тут Украина, тут ее сила, могущество, единение, тут многонациональные коллективы. И у людей на первых порах не было такого могучего стремления к свободе. У меня жена из Сумской области, и вот приедешь туда в село - у них идеи немножко не так выкристаллизованы, как на западе. Говорят: да, нужна независимость, но чтоб вместе, чтобы в Союзе. На западе уже вы этого не услышите. Хотя я и согласен с тем, что мы не должны расходиться, но жить равноправно.

- Сейчас много говорят о месте Украины в Содружестве, но почти не разрабатывают европейскую политику страны, ее приоритеты...

- Украина как европейское государство поставила перед собой цель - интегрироваться в европейские структуры. Мы только говорим, что не хотим вступать в какие-либо блоки. Мы - государство безъядерное, внеблоковое, постоянное, нейтральное, и это наша принципиальная политика. Мы также говорим, что, интегрируясь, мы не считаем необходимым разрушать связи с государствами бывшего Союза. Тут построены наши общие структуры, тут наша общая жизнь. Но строилась она на монополизме. Например, Россия - монополист нефти, газа, леса. Мы - не в обиду России - говорим, что она не сможет обеспечить все остальные республики. Даже если бы она очень хотела. И не потому мы имеем мало чего-то, что Ельцин плохой. Резко уменьшилось производство, и этими

регионами уже руководит неизвестно кто. Если мы и дальше будем проводить политику ориентации только на Россию, в любой момент кто-то - а у нас такое революционное время, что любой президент может перекрыть трубы, - можем лишиться газа и нефти. Мы будем искать и сейчас уже работаем с Ираном, с другими странами. И это нормальное явление, что мы ищем резерв, рынок не только в одном регионе.

- Вы уже говорили о различиях между московскими и киевскими структурами. Сегодня у Ельцина есть и команда, обеспечивающая экономические реформы. Где такая команда на Украине? Или она и дальше будет зависеть от российских реформ?

- Мы не повторяем и никогда не будем повторять российские реформы. Наша зависимость от России - это зависимость от рубля. Рублевое пространство и привязанность к монопольным источникам сырья заставляют нас идти за Россией. Но мы будем идти тем путем, который выбрали. И у нас есть люди, которые смогут это сделать. Мы не будем говорить, что они способны совершить новую революцию. Это будет спокойная, взвешенная, продуманная работа. Мы сторонники того, чтобы не прыгать высоко. Человек, который на виду, не имеет на это права. Его и так видно, если он что-то делает.

- Мне кажется, многие недоразумения в российско-украинских отношениях из-за того, что в Москве никак не заметят того, что Украина действительно стала независимой...

- Да, несомненно...

- А в Киеве не учитывают этого непонимания...

- Нет, мы это понимаем. Я все время на заседаниях не устаю повторять одно и то же. Как только Назарбаев вносит предложение создать какой-то общий комитет, я ему напоминаю, что мы представляем государство, а наше сообщество не является государством. И Борису Николаевичу говорю. И он прислушивается. Но это же не только один человек, это все окружение. Психология российского руководства не сверху, а оттуда. Я вижу их, когда они сидят за столом, как они подходят к нему и: давайте Андреевский флаг и то, и другое... Я себе представляю - я не обвиняю никого, - если бы вокруг меня жужжали, как мухи, что нужно так и так, я б, возможно, к этому бы пришел. Потому что восемь часов в сутки тебе говорят, что ты великий. И должен руководить. Например, проблема единых вооруженных сил. Это проблема не техническая, а политическая. Вдумаемся в ее возможные последствия. Одиннадцать государств, а вооруженные силы едины. Кто из гражданских лидеров будет ими руководить? Ну кто, скажите?

- Президент самого большого государства?

- А почему? Ему не поручим. Я, например, буду голосовать против.

- Тогда комитет. Как президиум Югославии.

- Прекрасно, прекрасно. Тогда я вам еще одно скажу. Если вооруженные силы едины, а гражданских начальников 11, то войска слушают одного. И тогда - хочешь этого или нет - военный человек, главнокомандующий встанет над всеми 11 республиками. И вооруженные силы возвысятся над политикой. Это обязательно. А вооруженные силы и демократия - это несовместимо. Не потому, что они плохие. Генерал не может быть демократом, в силу логики должности. Единые вооруженные силы - это конец демократии, конец независимости.. Не потому, что плох Шапошников. Логика выше, чем желания тех или иных людей. Я если этот военный маховик войдет в противоречие с логикой жизни, мы обречены. . .

Кому присягают, наши войска? Почему все время вбивают в голову русскому, что он присягает украинскому народу? Украинский народ - это еще и 12 миллионов русских. Он же и им присягает. А ему вбивают: нет, ты присягай тем русским, которые живут в Ростове. А почему он должен присягать ростовским русским, а не донецким? А этого не говорят, сознательно подталкивают: национальный критерий, ты тут чужой...

- Вы обвиняете в такой пропаганде московское телевидение, но разве оно может быть независимым не то чтобы от своего правительства, а от ментальности живущих в России журналистов?

- Я в этом его и не обвиняю, но я говорю о другом. Есть 56 часов вещания в неделю. И 11 государств. Дели 56 на 11 - получишь на определенное государство 6 часов условно. Я говорю: дайте Украине четыре часа в неделю. Мы сами сделаем тут программу. Передадим туда, и без купюр. А они не хотят этого. Они хотят, чтобы кто-то один, как вы говорите - зависимый, исполнял волю одного человека. А я говорю: если это содружество, то я должен иметь свои четыре часа, и что захочу, то скажу. Это мое право. И никакой Яковлев не может меня редактировать.

- И все же видите ли вы будущее Украины в СНГ?

- Как мы привыкли жить: что есть Центр, и в какой-то мере Центр определялся Россией. И россияне психологически привыкли, что все остальное есть часть России. И сегодня они не могут преодолеть этого барьера, и продолжают действовать, как будто этот Центр все еще существует. Мы должны им сказать твердо и определенно - как мы это и делаем - что есть независимая Украина, равноправное, полноправное государство, которое само определяет свою политику и может жить в дружбе с другими только на этих принципах. На других - нет. Мы говорим это и публично, мы говорим это и за столом переговоров. И все-таки, как это ни трудно было, но записали, что должны решить проблемы Черноморского флота. Не хотели. Хотели, чтобы сразу флаг был водружен Андреевский. Мы сказали - нет... С нами согласились. Так что постепенно мы приучим даже эту большую державу, что все одинаковы - и маленькие, и большие, и нет старших и младших, больших и малых. Что все равны.

Вот когда все это поймут, мы начнем жить в согласии. Я не хочу, чтобы на основании каких-то небольших или даже больших конфликтов делались выводы, что это уже начало конца. Идет очень трудный процесс.

Я сказал и официально, и по телевидению, что если мы будем равны, если будем уважать друг друга, если не будут посягать на независимость, никто не будет претендовать на диктат, никто не будет считать нас частью своей земли или своего народа - тогда Содружество будет существовать. Если этого, не поймут - Содружество не сможет быть крепким. Я все же надеюсь, что жизнь заставит понять. Ну, а если нет - то жизнь заставит пойти по другому пути. Украина не откажется от своей независимости - как и Молдова, и Беларусь, и другие республики. Потому что это объективный процесс развития человечества. А не потому, что желает какая-то часть людей. Это общее стремление народа. И если кто-то попытается его остановить, он обречен, народ рано или поздно выйдет на это. Хотелось бы, чтобы это было без крови, мирно, демократично, чтобы это все поняли, не создавали сложные ситуации там, где их в принципе не существует. Амбиции не могут быть выше демократии.

- Хочется хотя бы напоследок отвлечься от политики. Что вы вспоминаете, когда удается отдохнуть от всех этих баталий, переговоров, сессий...

- У меня было сложное детство. Это был 1939 год - воссоединение. Я помню, как входили советские, войска. Я помню коллективизацию в нашем селе, как стаскивали скот, как плакали люди, как они не хотели, этого. Но тогда их выселяли "к белым медведям", как у нас говорили. Потом война. Тоже на моих глазах. Бомбили Ровно, бомбили наше село. Мы прятались, приходили то одни, то другие войска. Расстреливали в церкви, и я был свидетелем этого расстрела. Меня ставили смотреть, как убивают евреев - гитлеровцы специально сгоняли всех, чтоб видели и боялись. Как вешали людей... На глазах моего детства загублено, и я даже не могу сказать сколько жизней. Я видел эту кровь, эту агонию. Этого нельзя передать. И детская память все это фотографирует. Сейчас, когда я болею, температуру, во сне повторяются все эти страшные времена, и я аж содрогаюсь... А когда закончилась война, мы об этом узнали лишь в июне, пока до нашего села дошло. И вот я вспоминаю, как мой родной дядя - а отец мой погиб на фронте - влетел на коне, гордости своей, во двор, и сказал: война окончилась. Все плачут, а я не могу понять: почему? У меня такая радость была тогда! Это я запомнил ярче всего из детства - конец войны. И мне казалось - солнце иначе светит и люди какие-то другие.

Виталий Портников

Независимая газета. - 1992. - 30 января. - С. 1, 3.